

Евгений РЕЙН родился в 1935 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, позднее – Высшие сценарные курсы. Автор сценариев более 20 документальных фильмов.

В 1960-е годы входил в круг так называемых «ахматовских сирот» (вместе с Иосифом Бродским, Дмитрием Бобышевым и Анатолием Найманом). Долгое время стихи Евгения Рейна распространялись в самиздате, часть из них публиковалась в самиздатовском журнале «Синтаксис», на Западе («Грани»). В 1979 году принял участие в издании неподцензурного альманаха «Метрoполь», куда вошла подборка стихов Евгения Рейна, охватывающая 20-летний период его

поэтического творчества. Первая книга стихов Евгения Рейна вышла только в 1984 году («Имена мостов»). Много переводил поэтов национальных республик СССР, английскую, арабскую и индийскую поэзию. Лауреат Государственной премии России (1996), Пушкинской премии, Царскосельской художественной премии (1997), премии «Поэт» (2012). Автор многих книг поэзии и прозы, издававшихся уже в новое время. Живёт в Москве. Преподаёт на кафедре литературного творчества в Литературном институте им. А.М.Горького, читал лекции для студентов-славистов в ряде американских университетов.

ДОМ АРХИТЕКТОРОВ

Памяти отца

Где Штакеншнейдер выстроил дворец,
На Герцена (теперь опять Морская),
Меня туда водил ещё отец
В год довоенный, за собой таская.
В сорок шестом я сам туда ходил,
В кружок, где развлекались акварелью,
Но никого вокруг не восхитил,
И посейчас я чувствую похмелье.
«Эклектика», – сказал искусствовед,
когда спросил я через много лет,
а он махнул рукою безнадёжно.
Эклектика... Ну как это возможно?

Ведь мой отец погиб в сорок втором,
А я мешал здесь охру и краплаки,
И это был не просто детский дом,
А способ жизни на сырой бумаге.
Отец и сам неплохо рисовал,
И на меня надеялся, быть может,
Но если я войду в тот самый зал,
То догадаюсь, что меня тревожит,
Ведь я не сделал то, что он велел,
Что завещал – искусство для искусства.
Мой бедный дар обрушился в раздел,
Где всё так своевольно и не густо.
Теперь здесь ресторан, голландский клуб,
И только по краям – архитектура,
Но, расспросив, меня пускают вглубь,
Быть может, узнают, но как-то хмуро.
Эклектика! Но не согласен я,
Досада быть эклектикой не может,
Печаль отца, потёмки осень,
Карает сына, узнаёт и гложет.

У АРДОВЫХ

Когда я в эту комнату зашёл,
Они сидели за столом так долго,
Что подустал и разорился стол,
Заветрелась закуска и заволгла.

А в захмелевшем воздухе густел
Осадок разговоров или шуток,
Перед прощаньем возникал раздел,
Необходимой жизни промежуток.

Но было, оставалось пять минут
Ещё сказать и выпить на дорожку,
Закончить миром этот страшный суд,
И вновь начать не страшный понемножку.

В передней не толпились у пальто,
А уходили прочь поодиночке.
Борис и Миша говорили, что
Нельзя остановиться на полстрочке.

Но утро обещало долгий день,
Шифрованную молоком страницу,
И одному – безбожье деревень,
Другому – бегство в жёлтую больницу.

А я остался ночевать, и спал
В той комнатушке старшего из братьев,
Где черновик Ахматовой мелькал,
Как снег в окне, потёмки разлохматив.

И снился мне какой-то дружный век,
В котором все усядутся по кругу,
Где остановка и неспешный бег
Вдоль времени и вопреки испугу.

СЭНДИ КОНРАД

Десять и девять, бегун стометровый
и лейтенант белгородской милиции,
Саша Кондратов – живой и здоровый,
как мне твои перечислить отличия.
Выученик формалистов и Проппа,
мистик числа и наследник Введенского,
что ты подскажешь мне нынче из гроба,
гений, разведчик разброда вселенского?
Ты, почитавший и острова Пасхи
идолов, йогов конфигурации,
красивший крыши дворцов без опаски,
в сумке носивший свои декларации,
Сдавший в запасник бурятского Будду,
Конрадом Сэнди себя называвший,
все пропущу, а тебя не забуду,
ты, пентаграммой себя повязавший.
Книжки строчивший для «Гидроиздата»,
трубки куритель, любитель пельменей,
нету таинственнее адресата –
азбука Морзе и ток переменный.
Ты, не закончивший дела-романа,
«Здравствуй, мой ад!» и дошедший до края,
живший в лазури на дне котлована,
смыслом погибели буйно играя.
Место нашедший в Казанском соборе,

после работы на Мойке и Невском,
ты, заявлявший в ночном разговоре:
«Буду я к Вечности вечным довеском».
Всё это сбудется, Саша Кондратов,
о, Сэнди Конрад, из дали, из праха,
из новолунья, из чёрных квадратов,
лучший из лучших, бегун-растеряха.

2011

КРАСИЛЬНИКОВ

*«Хиромант и некрещеный человек
М.К. посулил мне безбедное суще-
ствование до 55 лет» (из письма
Иосифа Бродского к Евгению Рейну)*

Красивый дылда с бледной рожей,
На Маяковского похожий,
Во сне является ко мне,
За пазухой – бутылка водки,
В запасе – правильные сводки,
Он в прошлом греется огне.

Он – футурист, он – бюджетлянин,
Бурлюк им нынче прикарманен,
Он Хлебникова зачитал,
Он чист, как вымысел ребенка,
И чуток, точно перепонка,
Что облепила наш развал.

Зачем-то Кедрин им обруган,
Он нетерпим к своим подругам,
Одну он выгнал на мороз,
Он отсидел четыре года,
Пьян от заката до восхода,
До Аполлинера дорос.

Он говорил, а мы внимали,
Он звал нас в сумрачные дали,
Где слово распадется в прах,
Где Джойс и Кафка лишь начало,
Где на колу висит мочало,
Туда, туда на всех парах.

Работал в «Интуристе» в Риге,
Влачил не тяжкие вериги,
И сбросил их и – утонул,
В истериках, скандалах, водке,
Посередине топкой тропки,
Смешав величье и разгул.

2011

В ПОСЁЛКЕ

В посёлке тишина...
Не меркнет свет, не меркнет...
Собачий лай...
И только ткань небес
Серятиной немаркой
Уходит через край.

И только август ждёт,
И будет ждать исправно
До сентября.
И что нам свет небес,
Он отошёл недавно,
Во тьме горя.

Мы проживаем здесь
И доживём до края,
И, может быть, умрём,
И снова небеса,
Сникая и сгорая,
Закончат сентябрём.

2013

КЛАДБИЩЕ В ПЕРЕДЕЛКИНО

Здесь сыновья под боком у отца
И женщины великого семейства,
Проросшие из праха дерева
И три сосны облюбовали место.

Сегодня, в непроглядный летний час
Могильщики работают исправно,
Выравнивая уровень «на глаз»,
И то, что скрыто, скоро станет явно.

Объявятся и урны, и гроба,
И корни переделкинского леса,
И от ограды ржавая скоба,
Отрытая из тьмы без интереса.

Но если заглянуть в глубокий схрон,
И бросить комья и цветы на крышку,
Жизнь обернётся как палиндромон,
Как срез могильный, – точно, без излишку,

До буквицы, до первого словца
Той рукописи, выросшей из шутки,
Здесь сыновья под боком у отца,
Чтоб слушать чтение сказки до побудки.

2012

КОМАРОВО

От станции всего лишь полчаса,
Дорога к озеру ведёт через подлесок,
И я услышу ваши голоса,
Взлетающие возле занавесок.

Там, в комнате уже накрытый стол,
И кто-то говорит ещё невнятно,
Но ты настойчив, юный произвол,
Спирт на тебе не оставляет пятна.

И все равно – июнь или июль,
А, может, август календарь тревожит.
Холодный борщ прольётся из кастрюль
И молодой картошки нам подложит.

Итак, товарищи, всё впереди ещё,
Планеты льют лучи над головою,
И, опираясь на моё плечо,
Сидит Судьба и дремлет с перепоею.

Сквозит в заливе мелкая вода,
Атлантика дымит за горизонтом,
Под утро засыпают города
В непроходимом воздухе азотном.

Но выпиты бутылки, и пора –
За лесом завывает электричка,
И гаснет под созвездьем Топо́ра
У табака помедлившая спичка.

2013

«ПЕЙЗАЖ В ОВЕРЕ ПОСЛЕ ДОЖДЯ»

Н.

Осины, ивы около запруд,
И заросли осоки, и дорога,
Болото, кочки – всё, что есть вокруг, –
Великолепно, в сущности – убого.
Искусство, необъятный твой пейзаж
Нас помещает в бездны сердцевины,
Какая точная, естественная блажь,
Художник, как Адам, возник из глины.
Но если отойти в далёкий зал,
Стать на границе лучших откровений,
И высмотреть, что быстро срисовал
Бродяга, сумасшедший, новый гений.
Там паровозик на краю земли,
Повозка со снопом у переезда,
Пустующая лодка на мели,
Всё движется намеренно и резко.
Всё вместе с ним. Отбросив свой мольберт,
Сам живописец – нищий и богема,
Спешит в Париж, чтоб выполнить обет,
Из Амстердама или Вифлеема,
Теряя тюбики, чужой абсент глуша,
Среди народных скопищ и уродов,
И соскребая лезвием ножа,
Пронзительные очи огородов.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

«...Смотри, ей весело грустить
Такой нарядно-обнажённой...»,
И городочек полусонный,
И парк лицейский сторожить,
Песком хрустеть, тревожно стыть
Среди листвы его наклонной,
И у Руины за колонной
Друзей и вспомнить, и простить.
И, глядя в календарь бездонный,
Решать здесь: быть или не быть...

2012

